

УДК: 327

**МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЖИМА
ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ:
1783–2018 ГГ. И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Ирхин А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: alex.irhin@mail.ru

В статье проводится анализ эволюции режима Черноморских проливов в исторической ретроспективе 1783–2018 гг. В данных хронологических рамках автор выделяет четыре модели его функционирования: Ункяр-Искелесийский мирный договор (1833), Лондонская конвенция (1841), Лозаннская (1923) и конвенция Монтре (1936). Восстановление российского суверенитета над Крымом в 2014 году автоматически усиливает российские позиции в Черноморско-Средиземноморском регионе за счет снятия ограничения на проведение самостоятельной политики, которые были ранее связаны с арендным статусом Севастопольской военно-морской базы. В этих условиях режим функционирования Черноморских проливов снова становится предметом конкуренции великих держав, что проявится в ближайшем будущем. В настоящее время консолидированная позиция России и Турции позволяет сохранить действие выгодной двум державам конвенцию Монтре. Однако попытки военного переворота в Турции в 2016 году и другие факторы показывают, что западные державы будут стремиться изменить баланс сил в Черноморско-Средиземноморском регионе, ключ к которому лежит в режиме функционирования Черноморских проливов.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Россия, Турция, Крым, Черноморско-Средиземноморский регион.

Режим функционирования Черноморских проливов – Босфора и Дарданелл – на протяжении последних нескольких столетий был предметом дипломатических переговоров, которые либо предшествовали масштабным столкновениям великих держав, либо подводили их итоги. Каждый из режимов представлял модель функционирования проливов с внешними и внутренними условиями и хронологическими рамками.

Современный период в международных отношениях является переходным, когда создаются предпосылки для формирования новой системы международных отношений. Как показывает исторический опыт, такие периоды между уже ушедшей в прошлое международной системой и еще не сформированным мировым порядком, характеризуются повышенной конфликтностью между субъектами мировой и региональной политики, цель которых – получить наиболее благоприятные пространственные позиции перед началом нового передела мира.

Российская Федерация в 2014 году, восстановив свой суверенитет над Крымом, реанимировала исторические комплексы западной элиты в отношении российской экспансии через Черноморские проливы. Одновременно узел проблем, вокруг которого в прошлом был завязан так называемый «Восточный вопрос» стал предметом конкуренции главным образом в геополитическом треугольнике между Россией, Западом и Турцией.

Цель данной публикации – исследование эволюции режима Черноморских проливов в исторической ретроспективе 235 лет с момента присоединения Крыма к России в 1783 году и до 2018 года. Результатом достижения поставленной цели будет выделение моделей режимов Черноморских проливов, которые отвечали российским интересам либо игнорировали их, что как показывает исторический опыт, являлось прологом будущего военного столкновения, когда Черноморские проливы становились коридором для доставки враждебных сил к берегам России.

Объектом исследования является региональная система международных отношений в Черноморско-Средиземноморском регионе в хронологических рамках 1783–2018 гг. Предметом – эволюция моделей режима Черноморских проливов.

Методология исследования включает в себя три подхода – системный, исторический и геополитический. Их сочетание позволяет в полной мере достигнуть поставленную научную цель.

Вот уже несколько столетий сотрудничество и конкуренция России и Запада происходит главным образом проходит в рамках Балто-Черноморской дуги. Границы этой кривой подвижны и меняются исходя из логики слабости или силы каждой сторон.

Проникновение России в регион начинается во второй половине XVIII века. Однако в условиях отсутствия выхода к Черному морю, первое масштабное проникновение русского флота, а следом и других интересов России, происходило со стороны Балтики. Одной из существенных причин, формирующей благоприятные геополитические условия для быстрого продвижения России в регион, было системное столкновение Великобритании и Франции.

Главные западные державы того исторического периода – Великобритания и Франция в период с 1688 по 1815 гг. в течение «долгого восемнадцатого столетия» в борьбе за глобальное доминирование находились в состоянии постоянных войн. Причем география столкновений была от Северной и Латинской Америки, Западной Европы до Индии. Так называемая Война лиги Габсбургов велась в течение восьми лет до 1697 года. После краткого перерыва две нации вновь вступили в войну за испанское наследство (1702–13 гг.). Продолжительная, но напряженная интерлюдия закончилась в 1740 году войной, разразившейся за австрийское наследство. Через семь лет после Аахенского мирного договора началась Семилетняя война. Франция пыталась вернуть некоторые из своих катастрофических потерь, понесенных ею по Парижскому договору от 1763 года в результате пятилетней войны, продолжавшейся с 1778 по 1783 гг. В соответствии с ее итогами Соединенные Штаты становились независимыми. Но война вызывала банкротство Франции и ускорила Великую французскую революцию. В результате последовал двадцать один год революционных и наполеоновских войн, направленных против Британии.

Они завершились только битвой при Ватерлоо в 1815 году [1, с. 20]. Шестьдесят из 127 лет Франция и Британия воевали друг с другом, формируя расширенные рамки внешнеполитических возможностей для региональных держав.

В ходе «длинного восемнадцатого столетия» в условиях столкновения Британии и Франции на этом этапе сложилась ситуация, когда Париж имел значительное влияние на Стамбул, а Британии было необходимо через ослабление Турции включить ее в антифранцузский союз. Лучшего кандидата для разыгрывания «английского баланса» против Турции, чем Россия не было на тот момент. На региональном же уровне под влиянием польского вопроса и позиции Франции Порты объявляет в 1768 году войну России, используя Крым, как плацдарм, а татарскую конницу, как главную наступательную силу. Париж оказывал давление на Польшу с целью сдерживания российского продвижения на Запад. Складывалась неблагоприятная ситуация, когда польско-турецкая коалиция при поддержке Франции формировала пояс сдерживания для России и представляла постоянную угрозу на ее юго-западных границах.

В этих условиях Россия, используя заинтересованность и содействие Британии, наряду с сухопутным наступлением организует морскую экспедицию в 1769 году из Кронштадта в составе 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта и 17 тысяч общего состава экспедиции.

Содействие Британии происходило по двум важнейшим направлениям.

Во-первых, она открыла возможность вербовки для России опытных морских английских офицеров.

Во-вторых, Британия позволила России использовать свои военно-морские базы в Средиземноморье: в Гибралтаре и на Минорке. Кроме того, при содействии Англии было обеспечено пребывание российского флота в Ливорно – главном порту Великого герцогства Тоскана (область современной Италии). Более того, русская эскадра по пути следования останавливалась для ремонта и отдыха на самих Британских островах, что свидетельствует об острой заинтересованности Лондона в России в качестве союзника.

Данный поход завершился в 1770 году Чесменской битвой и в итоге разгромом турецкого флота, что имело эффект домино в российско-турецком и англо-французском противостоянии, то есть на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, в новое время проникновение России в регион Большого Средиземноморья происходило с балтийского региона и при тесном содействии Британии. Целью последней было использование российских ресурсов для ослабления региональных и глобальных позиций Франции.

Процесс присоединения Крыма к России в условиях глобального противостояния Англии и Франции также мало беспокоил на тот момент англосаксонскую элиту, скорее французы посчитали это опасным явлением, которое может впоследствии представлять угрозы для баланса сил в Черноморском, а главное Средиземноморском регионе. К середине XVIII века Россия уже стала вызывать у западных наблюдателей неясное беспокойство. В 1762 году французский поверенный в делах в Санкт-Петербурге докладывал:

«Если русские амбиции не сдерживать, то их последствия могут оказаться фатальными для соседствующих держав... Я знаю, что силу русских не следует мерить их экспансией и что их господство над восточными территориями скорее впечатляющий мираж, чем источник реальной мощи. Но я также подозреваю, что нация, лучше любой другой способная справиться с непривычными крайностями времен года на чужбине вследствие суровости климата у себя дома, привыкшая к рабскому повиновению, довольствующаяся в жизни малым, в состоянии начать войну при малых на то затратах... И такая нация, как я подозреваю, скорее всего окажется завоевателем» [2, с. 122].

Однако по ходу развития исторического процесса, в котором Франция теряла свои глобальные позиции, а Британия взяла верх в процессе гонки за глобальное лидерство, Лондон начинает рассматривать морские возможности России в Большом Средиземноморье: сначала с подозрением воспринимать российское продвижение на юго-запад, а затем и больше – перенимать французскую точку зрения.

Присоединение Крыма к России формировало независимую от Британии, в отличие от Средиземноморского похода 1768–70 гг., точку геополитического роста для России. Вокруг Черноморских проливов – воротами России в регион началась двухсотлетняя борьба между Россией и Западом, где Османская империя обладала меньшим уровнем субъектности и вынуждена была лавировать.

В этот период Екатерина II выступает с инициативной «греческого проекта», который заключался в контролируемом совместно с европейскими державами разделе Османской империи, однако на этом этапе европейские государства заняли негативную позицию в отношении такой идеи по причине экономических и геополитических интересов. Последние заключались в понимании удобства сдерживания России руками Османской империи. Главной же коммуникационной линией такого сдерживания становятся Босфор и Дарданеллы.

В дальнейшем тема режима Черноморских проливов становится предметом военных и дипломатических столкновений и договоренностей.

Французы начинают требовать от Турции прохода через Черноморские проливы. В 1802 году канцлер Воронцов формулирует принцип, при котором черноморские державы имели бы возможность свободного прохода своих военных кораблей через проливы, тогда как нечерноморские державы имели бы различные ограничения по возможности прохода в регион. Слабеющая Турция в условиях конкуренции Англии и Франции начинает придерживаться схожих позиций. В период с 1799 по 1805 гг. были подписаны русско-турецкие соглашения, по которым российские военные корабли проходили в Средиземноморский регион, в то же время Турция не пропускала военные корабли нечерноморских держав. Такое региональное русско-турецкое сближение уже не устраивало ни Францию, ни Англию. В результате целенаправленной деятельности английская дипломатия в 1809 году навязывает Порте Договор о мире, торговле и секретном союзе. По нему Османская империя принимала обязательства по закрытию проливов в мирное время для военных кораблей всех стран. Русский флот был заперт в Черном море [3, с. 11].

Очередным этапом конкуренции за проливы становится Ункяр-Искеллесийский договор между Россией и Турцией от 1833 года. За всю историю существования проблемы Черноморских проливов для России это был самый благоприятный договор, который устанавливал военный союз России и Турции и право свободного прохода российского флота через проливы, при этом по требованию России эти проливы закрывались для кораблей любых стран, кроме России. Чуть более чем через 100 лет именно такую модель военно-политического взаимодействия Турции и СССР пытался продвинуть И. В. Сталин с оговоркой, что военно-политический союз двух государств должен ограничиваться зоной проливов и Черноморского региона [4, с. 33].

Такие благоприятные условия Ункяр-Искеллесийского соглашения были связаны с ослаблением Османской империи и центробежными тенденциями окраин, которые подпитывались Англией, Францией и Россией. При этом если в отношении греческого национально-освободительного движения эта коалиция находила общие взгляды, то по поводу других территорий-окраин, проявлялись заметные расхождения. Последние были, по всей видимости, связаны с четкой геополитической ориентацией османских окраин на одну из трех великих держав, что увеличивало их международный потенциал. Причиной для выгодных статей Ункяр-Искеллесийского договора была военная помощь, предоставленная Россией Османской империи в борьбе со своей еще одной мятежной окраиной – Египтом. 30-ти тысячный русский корпус высадился в районе Босфора и преградил путь по захвату турецкой столицы египетским войскам. Однако в этой борьбе внутри Порты Египет поддерживала Франция, тогда как русский царь Николай I сделал выбор в пользу поддержки целостности слабеющей Османской империи.

Во время второй турецко-египетской войны британская дипломатия добилась подписания Лондонской конвенции от 15 июля 1840 года, которая закрыла проход иностранных военных кораблей через Проливы. В следующем году, когда Франция вновь вошла в европейский концерт, Лондонская конвенция становится конвенцией о Проливах. Согласно 1 статье, «Султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в Проливы Дарданеллы и Босфор» и, пока Порты находится в мире, его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в Проливы. Вторая статья Лондонской конвенции от 1841 года предусматривала международный регламент военного судоходства через Проливы, который основывался на коллективных обязательствах договаривающихся сторон друг к другу, а не только к Турции. Таким образом, Лондонская конвенция о Черноморских проливах существенно ограничивала суверенитет Турции и снимала преимущества России в отношении Проливов, которые та получала в результате Ункяр-Искеллесийского договора.

Если Ункяр-Искеллесийский договор был блестящим успехом российского оружия и дипломатии, то Лондонская конвенция отразила успех Британии. Примечательно, что Россия почти добровольно отказалась от столь выгодного режима Черноморских проливов, что обеспечивало ей не только безопасность своих

южных рубежей, но и возможность военным и торговым путем свободно проникать в Средиземное море.

Столь блестящей победе британской дипломатии способствовал все тот же новый баланс сил, который был сформирован англичанами для сдерживания уже России. При содействии Лондона в 1818 году в ранг великих держав вернулась Франция, элита которой в последующие несколько десятилетий сделала своей национальной идеей месть России за унижение Наполеона в 1812 году.

Таким образом, выученные британской дипломатией исторические уроки способствовали тому, что во время второй турецко-египетской войны Британия очень расторопно, опередив Россию, поддержала турецкого султана и совместно с Францией способствовала вытеснению российских позиций из Порты, которые выглядели угрожающими в глазах европейцев после подписания Ункяр-Искелесийского договора.

Николай I пошел на добровольную отмену договора, полагая, что такой шаг будет способствовать новой изоляции Франции и крушению баланса сил в Европе [3, с. 70]. Однако баланс выстраивался главным дирижером Венской системы международных отношений и в его планы не входила изоляция истощенной после 1815 года сухопутной и морской великой европейской державы, которая после Наполеона I представлялась идеальным инструментом сдерживания амбиций России. В новом разыгрываемом «английском балансе» сил была и другая крайность. Франция и Англия, заперев Россию в Черном море, постепенно становились открытыми конкурентами в борьбе за сферы влияния внутри Османской империи, которая по-прежнему занимала большую часть Большого Средиземноморья. Опасения англичан в отношении данной конкуренции проявились уже в 1830-х, когда Франция захватила Алжир и получила влияние в Египте и Сирии. Верхней точкой англо-французской конкуренции стал раздел Османской империи и формирование системы мандатариев после Первой мировой войны. Интересным исследовательским вопросом может стать английская дилемма между русской и французской угрозами.

В январе 1918 года президент США В. Вильсон обратился с посланием к конгрессу, перечислив в 14 пунктах предлагаемые им условия мира. Это послание явилось основой американской программы окончания Первой мировой войны. 6 пункт программы касался России – «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное действие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечения ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций в ближайшие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости, бескорыстия их симпатий» [5]. Данная американская позиция в отношении проливов, которая не

противоречила английскому подходу, была реализована в условиях подписания Лозаннского мирного договора в статьях одноименной конвенции. Черноморские проливы попали под международный контроль и проход военных и гражданских судов разрешался для всех государств, как во время мира, так и войны в случае нейтралитета Турции. Если Республика выступала на стороне одной из воюющих сторон, то предусматривался свободный проход через проливы военных кораблей нейтральных стран.

12 пункт В. Вильсона касался Турции. Черноморские проливы – Дарданеллы и Босфор – предлагалось открыть не только для торговых, но и для военных судов всех стран. Указанный пункт касался также национальных проблем Турции, в частности он гласил: «Турецкие части Османской империи в современном ее составе должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития» [6, с. 145].

Сопоставление взглядов американского президента на две распадающиеся империи Евразии свидетельствует о желании американского истеблишмента сохранить целостность России, но при этом через национальный вопрос фрагментировать Османскую империю. Кстати, такое стремление сохранить целостность России просматривалось в отношении экспансионистских возможностей Японии завладеть ресурсами Сибири в 1904, 1918 и 1941 гг., когда американцы своими прямыми и косвенными действиями не позволяли Токио реализовать планы евразийской экспансии. Американская логика была связана с тем, что, завладев такими ресурсными возможностями, островная империя превращалась бы в гораздо более опасного для США конкурента, чем любая – «белая» или «красная» Россия. В отношении же Османской империи В. Вильсон, по сути, констатировал свершившийся факт распада в условиях конкуренции Англии, Франции и США, где последние пытались получить свою долю для управления регионом.

Вопрос о проливах получил долговременное геополитическое решение в 1936 году, когда состоялась конференция, которая упорядочивала новый режим прохода судов через Черноморские проливы, который с небольшими изменениями сохраняется и на сегодняшний день. Так, 20 июля 1936 года в Швейцарском городе Монтре, король Болгар, президент Французской Республики, король Соединенного Королевства, король Эллинов, император Японии, король Румынии, президент Турции, король Югославии, представитель ЦИК СССР договорились о новом режиме прохода судов в Босфоре и Дарданеллах.

Конвенция Монтре признает особое положение черноморских государств по сравнению с нечерноморскими. За торговыми судами всех стран сохраняется полная свобода прохода через проливы в мирное время, в военное же время турецкая сторона вправе вводить ограничения [7, с. 55–56]. Фактически контроль над проливами находится в руках Турции и более сильного государства или группы государств, стоящих за ней. Конвенция была направлена на тот момент против возможной геополитической экспансии СССР (России). Но в то же время это был

компромисс – проливы находились не под международным, а турецким контролем и черноморские государства получали преимущества перед нечерноморскими.

В подписании конвенции из нечерноморских держав участвовали: Англия, Франция, Япония – это свидетельствует об их стремлениях вести политику в отдаленных регионах. Однако была и другая категория держав, которая не приняла участия в конференции – США, Германия и Италия.

Следующий этап борьбы за проливы начался после Великой отечественной войны.

Советское правительство 19 марта 1945 года заявило о денонсации договора 1925 года о дружбе и нейтралитете. В ответ на предложение Турции начать переговоры по условиям будущего договора были выдвинуты территориальные претензии, касавшиеся возвращения провинций Карс и Ардаган, а также изменения статуса проливов и совместной их обороны.

В турецкой прессе реакция на денонсацию данного договора была представлена таким образом, что турки не понимают претензий СССР и готовы дальше укреплять советско-турецкую дружбу. Однако вследствие внешнеполитических действий СССР, Турция оставляет себе право судить о том, что будут ли советские предложения способствовать развитию дружбы между странами [8, оп. 128, д. 820, л. 5,12,16,17].

В 1946 году СССР направил две ноты турецкому правительству, в которых обвинял последнее в нарушении конвенции Монтре во время Второй мировой войны, и предлагал новый проект режима проливов:

– проливы должны быть всегда открытыми для прохода торговых судов всех стран;

– проливы должны быть всегда открытыми для прохода военных судов Черноморских стран;

– проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев;

– Турция и Советский Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торговли мореплавания и безопасность в проливах для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных Черноморским державам целях, должны были разделить ответственность по их обороне [9, с. 169].

И. Сталину не удалось реализовать это направление внешнеполитического давления на союзников, однако представляется, что у советского лидера была другая цель – через создание давления в средиземноморском направлении получить политический выигрыш на всех восточноевропейских территориях, которые были заняты советскими войсками. Сталин создавал давление на морских коммуникациях, где Россия была традиционно слабой, и воскрешал старые западные страхи времен Екатерины II о возможном поглощении Россией всей западной цивилизации, если она получит контроль над проливами. При этом он выигрывал Восточную Европу и получал сухопутный выход в Большое Средиземноморье через выстраиваемую систему союзников.

Анализируя более чем 235-летнее присутствие России в регионе необходимо констатировать, что для России Босфор и Дарданеллы являются воротами в регион Большого Средиземноморья, в то же самое время через проливы возможности державы могут быть заблокированы в Черноморском бассейне и, наконец, через них к берегам России могут быть доставлены значительные враждебные силы. Самый благоприятный режим был достигнут в 1833 году в результате подписания Ункяр-Искелесийского мирного договора, когда Российская империя могла спокойно проводить свои корабли на Запад Большого Средиземноморья и при этом перекрывать проливы в случае возникновения опасности. По сути, речь шла о совместной обороне проливов. Самая неблагоприятная модель функционирования Черноморских проливов для России и, следовательно, благоприятная для Британии была реализована в результате подписания Лондонской конвенции в 1841 году. По ней проливы попадали под «международный контроль» путем реализации так называемого древнего правила Османской империи, согласно которому Босфор и Дарданеллы объявлялись в мирное время закрытыми для военных кораблей всех стран. Конвенция в дальнейшем позволила успешно реализовать объединенному Западу крымскую кампанию и лишить Россию возможностей военно-морского присутствия в регионе.

В 1923 году Англией была реализована схожая по условиям с Лондонской Лозаннская конвенция, которая ставила Черноморские проливы под международный контроль и разрешала проход военных кораблей для всех держав во времена мира и войны.

Действующая с 1936 года с небольшими изменениями до сегодняшнего дня конвенция Монтре является, по сути, компромиссом между этими двумя крайними моделями. По ней черноморские державы имеют приоритет над нечерноморскими государствами. Так, при условии предварительного уведомления Турции, черноморские державы имеют право свободно проводить свои военные корабли через проливы. В то же время нечерноморские державы имеют право проводить корабли в Черное море сроком не более чем на 21 сутки и их тоннаж не должен превышать 30 тыс. тонн с возможностью повышения тоннажа до 45 тыс. тонн. В случае войны, турецкое руководство может перекрывать проливы. В 1936 году конвенция Монтре отражала *modus vivendi*, по которому И. Сталин сделал попытку пересмотра сразу же после окончания Второй мировой войны. Советский лидер продвигал модель совместной советско-турецкой обороны проливов, то есть, по сути, возвращение к Ункяр-Искелесийской модели.

В настоящее время, конвенция Мотре в условиях геополитического давления Запада выгодна России, так как позволяет ограничить его морскую экспансию в Черноморском регионе, в то же самое время при условии дружественной Турции, позволяет перебрасывать свой ВМФ из Черного в Средиземное море. Следовательно, в современных условиях соотношения геополитических потенциалов и формирования новой системы международных отношений, любые попытки пересмотра режима Черноморских проливов, закрепленного конвенцией Монтре, не отвечают современным российским национальным интересам.

Список литературы

1. Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства / Ф. Маклин; пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 638 с.
2. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848с.
3. Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 1991. – 160 с.
4. Ирхин А. А США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: «РИБЕСТ», 2016. – 208 с.
5. Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/14points.htm> (Дата обращения: 12.08.2018)
6. Миллер А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой новейшей истории / А. Ф. Миллер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
7. Актюн М. Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – 2003. – С. 43–75.
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп. 128. Д. 820, 1199.
9. Внешняя политика Советского Союза – М.: Издательство политической литературы, 1952. – 836 с.

Irkhin A.A. The Regime of the Black Sea Straits in 1783–2018 and Russia’s National Interests // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 70–80.

The article gives a retrospective view upon the 1783–2018 evolution of the regime of the the Black Sea Straits called the Turkish Straits within the existing westernized political framework. Within the given period, author distinguishes four models of the regime: the 1833 Treaty of Unkiar Skelessi, the 1841 London Straits Convention, the 1923 Peace Treaty of Lausanne, and the 1936 Montreux Convention. After Russia has reestablished its sovereignty over Crimea, its influence in the Black Sea Region is substantially reinforced as no limits to independent policy, that were connected with the lease status of the Sevastopol Naval Base, any longer exist.

Under those circumstances the regime of the Black Sea Straits is again the subject matter of the great powers struggle that we will observe in the nearest future. At the moment the consolidated position of Turkey and Russia helps to continue the Montreux Convention that is of advantage for both of them. But some attempts of the military coup in Turkey say for the fact that Western countries tend to change the power balance in the Black Sea and Mediterranean Region where the regime of the Turkish Straits is the key factor.

Keywords: Black Sea Straits, Turkish Straits, Russia, Turkey, Crimea, Black Sea and Mediterranean Region.

References

1. Maklinn F. 1759. God zavoevaniya Britanii mirovogo gospodstva [1759. The Year of Conquest of Britain by World Domination]. Moscow, AST, Astrel', 2011, 638 p.
2. Kissindzher G. Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow, Ladomir, 1997, 848 p.
3. Vinogradov V. N. Britanskiy lev na Bosfore [British Lion on the Bosphorus]. Moscow, Nauka, 1991, 160 p.
4. Irkhin A. A. SShA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz [The USA and Turkey: a Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast]. Sevastopol, «RIBEST», 2016, 208 p.
5. Chetyrnadtsat' punktov Vil'sona [The Fourteen Points]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/14points.htm> (Accessed: 12 August 2018)
6. Miller A. F. Turtsiya: aktual'nye problemy novoi noveishei istorii [Turkey: current problems of the new modern history]. Moscow, Nauka, 1983, 277 p.
7. Akgyun M. Chernomorskie proliivy: nezrimye svyazi [Black Sea Straits: Invisible Links]. Rossiiskoturetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian-Turkish Relations: History, Current State and Prospects], 2003. – p. 43–75.
8. Rossiiskii tsentr khraneniya i izucheniya dokumentov noveishei istorii [Russian Center for the Storage and Study of Documents of Recent History]. F.17. Op. 128. D. 820, 1199.
9. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza [Foreign Policy of the Soviet Union]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, 836 p.